

Клара Кёрст

**Три
лиса
Кромахи**

Клара Кёрст
Три лиса Кромахи

«Издательские решения»

Кёрст К.

Три лиса Кромахи / К. Кёрст — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932526-6

Проклятые колдуном братья смирились перед злой волей, все, кроме одного. Лишь один из них — самый слабый и беспомощный — найдет способ освободиться от колдовских чар.

ISBN 978-5-44-932526-6

© Кёрст К.
© Издательские решения

Три лиса Кромахи

Клара Кёрст

© Клара Кёрст, 2018

ISBN 978-5-4493-2526-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Три лиса Кромахи

Глава 1.

В яме

Я третий лис Кромахи. Старик уже давно мертв, а я все еще проклят, как и прокляты мои старшие братья. Не берусь судить, кому из нас не повезло больше. Деклан помешался на власти и серебре, ему теперь мало сундучка, подавай целый погреб, мало ему пресмыкающихся слуг, он хочет, чтобы его окружали толпы лизоблюдов для целования краев его «священных» одежд. Дик грабит всех на право и налево на большой дороге. Люди говорят – разбойник и убийца. Вот бы мамочка обрадовалась. Нехорошо, дурно отзываться о покойниках, равно как и о людях, которые в один прекрасный день просто исчезли, растворились в воздухе, а посему тоже самое что мертвы. Ну а я? Я – Дилан, младший сын покойного графа Дэрве, третий лис Кромахи сажу в тусклой и мрачной долговой яме. Я шулер, картежник, мошенник, мелкая шушера. Именно из-за того что у меня образовалось немного (куча, воз и целая тележка) времени, я думаю обо всем этом.

Да, Дилан дела твои нынче плохи. Сыро, воняет, на полу алюминиевая тарелка с прилипшей кашей. И кто-то шуршит. Стражник Руден, он тут один, потому что засовы крепкие, а железные пруты – в четыре пальца, говорит, что это крысы-людоедки. Он на войне против Кавеллы потерял руку и обрел специфическое чувство юмора. Заслуженный работник ножа, топора, вилки и фляжки теперь на «почетной пенсии» – сторожит сухие остатки общества: отъявленных пропойцев, растратчиков и мерзавцев, коих социум низверг в адские недры, в ямы, в сточные канавы, чтобы они своими ядами не погубили благословенное королевство Сатаракс. Руден пугает, конечно, на понт берет, но шуршит зараза, как часы тикают. В соседях у меня тощие с безумными глазами бледные тени людей, которые мычат и кашляют. Они даже говорить разучились. Спрашиваю одного: «Чего говоришь-то»? Смотрит на меня, глаза выпучил, потом как бросился на прутья, впился в них цинготными зубами, пытался прожевать. Стражник говорит: «Железа не хватает». Я думаю, что мяса. Хорошо еще Руден со мной разговаривает. Я уже знаю, что он вдовец, дочку зовут Лялей, а кошку – Бусей. Их семейные хитро-сплетения: ссоры, дележ наследства, карты болезней, разврат и пьянство не остались для меня тайной.

А я все эту лабуду слушаю, так как посажен в эту помойку на навеки вечные или до скончания своего скорбного века на этой стылой земле! Мама дорогая, не забалуешь, а ручки так и чешутся кости пометать али карточки передернуть.

Проигрался я давеча в пух и прах, все с меня этот супостат снял, идолище поганое, лопату ему в зубы, мразь вертлявая, обставил. Это я про купца Рогуслава. Стражник говорит, что он человек сто, не меньше, сгноил в этом каменном гробу! Эх, жизнь моя пропащая, на ветер шелухой семечковой выкинутая.

И никто мне сиротинушке не поможет. А долг-то малюсенький, отыграл бы в три подхода, да не простит этот гад, придется от тоски до доски гробовой, целные пять годочков сидеть. Кормить меня, как заведено, будет Рогуслов, но на овсянно-ячменном рационе я

едва ли протяну и год с моим жировым запасом. В голову лезет всякая чепуха, что сначала ремень придется уменьшать на пару дырок, а потом на этом ремне вешаться, чтобы крысы не пожрали мой тощий зад. Но не буду забегать вперед. Живу сегодняшним днем и наслаждаюсь каждой секундой, не думая о завтра. Хотя эта самая философия и сбросила меня с обрыва, да еще поцелуй воздушный послала в виде камня сверху.

Неудачи пошли, как дождь, когда подобрал я у берега товары заморские, потопшего недалеко корабля да прикинулся торговцем. Хожу, места присматриваю для сбыта, деньгами сорю, чтобы в круг избранной элиты приняли, а руки чешутся по крупному сыграть, сорвать куш. Приняли, сыграть дали. Деньги, как снежок зимний полетели, манна небесная. Все что мог выиграл у молодого купца, рубашку с него последнюю снял, даже носки, не первой свежести, кстати сказать, в общем и целом ободрал как липку. Второй купец крепился, осторожничал, не такой азартный, как Рогуслав, да и в раж вошел, хотя дело уже было к рассвету. Тут Рогуслав и говорит, сестру ставлю против всего, что вы у меня выиграли. Голова закружилась, деньги, положение, престижная работа, а про свои торговые дела, ежели припрут, всегда соврать можно, что вся к морскому дьяволу потопла, нежели зятя сгноит, выкручусь! Девку Рогуслав привел – сопливая, запуганная, нос красный, всхлипывает, рот ручонками зажала. Миловидная, глазищи большие – голубые, одежду формы распирают. Толстозадые мамки жмутся у дверей, просят Рогуслава одуматься. «Скотиночка ты, Рогуслав. Она же сиротиночка, кто же о ней печься должен, коли не брат родной? Честным именем играешь – своим, девчонки, бедовый ты парень, дуралей!» Одним словом, жаль стало. Играли, как говорил, втроем – я, Рогуслав и еще один хрен с горы, старик с животом до второй комнаты. Эх, передрнул, эх, пустил вход краплёного короля, его-то исподнизу – Рогуслову. Полный дом! Досталась ему и девка, и деньги, и все словом. Он обниматься ко мне полез, рванул камзол, дьявол, а из меня карты дождем посыпались. Невезение, одним словом, не фарт. Ух и отметилили они меня, исколошматили, бока намяли, зубы посчитали, морду собрали в складочку, нос сломали. Охохонюшки-хохо! Так и попал я в яму долговую, тюремную башню с подвалами темнющими. Отрада у меня небольшая – диетическое питание да Руден в качестве ярморочного шута.

Когда он устаёт травить байки о семейной жизни, меня за жизнь расспрашивает, а что я и рад поговорить с ним, так легче думается под наводящим расспросом. Двум смертям не бывать, одной не миновать, уж лучше от словесного поноса сгинуть, чем от этого райского пансиона «Небо в решетку».

Знакомство наше с Руденом началось с хождения сиего доблестного стража вокруг меня да около. Он как кошка возле мясца круги наворачивал, потом не выдержала душа поэта, подвалил и спрашивает:

– Сынок, как это тебя угораздило Рогуславу продуть, знающие люди говорят, ты мошенник приличный?

Я пожал плечами, не ответил. Руден замолчал, голову опустил, придумывает, пошел на второй приступ, с другого бока зашел:

– Вот вы, молодой человек, видно из приличной семьи, не пес шелудивый, исторгнутый преисподней, не на помойке найденный, чего вам тут срок мотать, расплатитесь с Рогусловом нешто денег жалко? Трясаните родственников на предмет золотых листьев, кровиночку в беде не оставят!

– Нет у меня таких родственников.

– А вот давеча вы бормотали в беспамятстве, что вы третий лис Кромахи, значит, есть и первый и второй, организация какая тайная или орден, может, братья заплатят за вас?

– Жалостливый вы, Руден, право слово, стражнику таким жалостливым быть не должно.

– Да не, я просто языком мелю, разве что я могу, только советом али участием, с этим скотом разве об чем поговоришь, вот вы сразу видно, птица другого полета, высокого, хоть и шулер.

– Я шулер не больше чем все, просто попался.

– Ну я об том же. Ну как там ваши братья лисы, помогут вам?

– Одному брату глаза застил блеск монет, другому кровь в голову вдарила, нет, не выручат меня братья. Да и по правде я давно как перекасти поле, понятия не имею как они и что они, чем живы, словом, может, им еще хуже, чем мне сейчас.

Руден с нескрываемым недоверием посмотрел на меня.

– А матушка с батюшкой, родственнички какие завалыщие, седьмая вода на киселе?

– Батюшка копыта откинуть изволил, а матушка – местонахождение неведомо, но что без денег, точно факт. Что до родственничков, мой дорогой Руден, токмо они знать обо мне не знают, ведать не ведают, а если нарисуюсь во всю величину, длину и ширину, испорчу им всю пастораль – отрекутся, не признавая.

– Эк, вы попали, расскажите же, поделитесь, сымите с души груз, тут заняться одно больше нечем. Время есть, его надобно съест. Мне повеселее, а вам занятнее, все лучше, чем в потолок таращится.

– Бывало мне Вэлла, кормилица моя, сказочки сказывала, что же теперь моя очередь тешить души. Слыхали, вы, мой друг Руден, об убийстве принца Керета в Беспokoйном бору во время осенней охоты?

– Как же, как же знатная историйка была, давнишняя только уж очень. Убил его племянник, герцог Эствойский, сын брата меньшого. За сие преступное деяние этого герцога в графы низвели, вычеркнули из списка наследников на престол якобы под предлогом заключения мorganатический брака, то есть неравного. Тут же простолюдинку нашли, обвенчали в соседней деревне и вся недолга, – обстоятельно доложил солдат, закатывая глаза да загибая пальцы, чтобы ничего не выпустить из виду. Убийство человека и такое наказание. Несоразмерно, – Руден сокрушенно покачал головой.

– Мой батюшка клялся на кресте, что его руки не замараны в крови. А женился он, чтоб вы знали, по большой любви. Да, имею честь представиться, Дилан, третий, младший отпрыск того самого герцога Эствойского, нет, простите графа, графа Дэрве. Родился я, кстати, от родителей, находящихся в законном браке, задолго до этой историйки.

– Батюшки святы! Какой фазан, какой фазан в нашем зверинце сидит, не хотите ли табачку? – оживился Руден и подтащил к решетке табуретку, видимо до этого момента он не особо верил в меня.

– Отчего же нет, давайте.

– Сказывайте дальше. Значит, граф невиновен, вот это поворот, вот это ухаб, вот это уключина, сказывайте. Кто же убийца, в чем соль?

– Дело темнее-темного, принца нашли с перерезанной глоткой, не кричал, не вырывался, значит, кто знакомый подошел и расчеркнулся ножичком, раз не пикнул Керет. Вероятно, кто из свиты егойной али батюшкиной, то не ведаю. Что примечательно, батюшки низвели, а командир той свиты, Ловчим его звали, ничем не заплатил за свое ротозейство. Одно знаю точно, принц Керет был гадом последним, такие пакости строил старому королю, так запутывал всю межкоролевскую дипломатию, так народ баламутил, что чуть гражданскую войну не устроил, да военной конфликт не развязал на почве кривого носа отвергнутой невесты. Нравилось ему воду мутить, это как пить дать. В общем, принц был не подарок любимому ребенку под Рождество.

– Считаете, за дело его порезали?

– Никогда не считал убийство решением, скорее еще большей проблемой, поглядите, к примеру, что случилось с моим дорогим папенькой, как срикошетило, ведь его все кровавым убийцей до сих пор считают, меж тем он безвинен как агнец.

– Позвольте осведомиться, кем была ваша дорогая матушка, из какого села, какого роду-племени?

– Ох, Руден, Руден это тяжелее всего объяснить. Друг Руден, мать моя была лисицей, лесной феей, обычной лесной нечестью. Глянулся ей отец, она и охмурила его, к рукам прибрала.

– Поженились они ведь в церкви, да? Стало быть, открестилась она от своей нечистой сути, – Руден с легкостью простолюдина верил во все колдовские штучки, что же оно и правда, кто бок о бок с лесами, полями, долинами и озерами век живет, тот не верить не может. Как можно не верить собственным глазам, я вас спрашиваю?

– Стало быть. Прежде чем выскочить за папеньку замуж, поставила она ему одно условие – никогда не входить без стука в ее опочивальню. Трое мальчишек настругали, у каждого из них на коже отметина горела – лисий след, верно, чтоб не забывали откуда родом. У старшего – под подбородком, у среднего – на груди, у младшего – на ноге. Тут люди шептаться начали все громче, дескать, графиня не от мира сего, да и пятнами дети помечены, нечисто тут. Граф задумался, сложил в уме два и два, и однажды не утерпел сердечный и вломился в покои матушки, а там лисица у кресла свернулась калачиком. Увидела батюшку, встрепенулась, пока он рот закрывал, меж ног его и проскочила. С тех пор мамашу не видели.

– Лисица?

– Она самая.

С потолка вода капает, солома ощутимо пахнет прелым, каменная лавка спину натирает, а я лежу себе, ноженькой дрыгаю и сказываю:

– Нас с братьями нянька воспитывала, кормилица Вэлла. Любила нас безмерно, баловала, всячески прикрывала от отцовской сердитости. Кормила на убой. Отец, когда не прибывал в мрачной стране меланхолии, был с нами очень суров. Поэтому от нас требовалось, как минимум не попадаться ему на глаза. Мы чаще всего обитали на нижних этажах замка и в деревне, в родительском домике Вэллы, где играли с ее детишками и деревенскими ребятишками.

Деревня носила звучное название «Серебрянная», когда-то там обнаружили клад разбойника. В деревне помимо легенд из прошлого, жила так сказать легенда настоящего – старый чернокнижник Кромахи. Его имя прогремело по всему побережью в ту пору, когда он еще жил в башне на берегу Гардийского залива. Ух, какие он дела проворачивал! Оживление мертвецов: упырей штамповал как две сопки из носа, проклятия вечные, пожизненные, до второй среды декабря и до седины или до проста

ты, чтение древних стел, превращение угля в золото, исцеление умирающих, оборачивание людей, изготовление тонких ядов, строительство соляных и лунных храмов. Все было в ведении Кромахи. Но вот однажды, проснувшись осенним утром, почувствовав, что руки свело артритом, спина не разгибается, что он без боли даже помочиться не может, Кромахи решил завязать с темными делишками, на покой уйти, отойти от дел. Понятное дело, я не знаю, чего ему голову ударило в завязку уйти. Оставлю как версию, а вдруг не мимо рта, а в зубы? Приехал он в Серебрянную, частным, так сказать, лицом, купил презентабельный домик с грушевым садиком у вдовы скопытившегося сапожника. Насажал по периметру кусты крыжовника, вскопал высоченные грядки, овощи – морковку, огурчики, помидорчики, перчики, там фруктики – яблочки, груши, вишенку принялся выращивать, организовал успешный бизнес по производству и сбыту сидра и солений всем на загляденье и всем врагам назло. Специалисты местные, там всякие шептуны и гадалки потомственные, у которых в роду, когда-то двоюродная бабушка троюродного племянника баловалась с семенами дурмана и ставила капканы на зайцев ради амулетов, утверждали, что без чародейства. Никаких подозрительных смертей за период его проживания зафиксировано не было, да артефактов из которых сей маг черпал силу на его имя не поступало. Самое главное молчал как сыч, даже никакое слово-проклятие не разрывало его рот, хотя народ из кожи вон лез, чтобы хоть полсловечка вытянуть. Но он молчал как дорожный столб, что тут сделаешь, ну вот ничего не предъявишь. Дескать, он мне сказал, а у меня расти грудь перестала или все хозяйство разом отсохло. Никакого морального ущерба не слупишь, а уж тем паче материального. Многие жаловались и откровенно поскули-

вали. Такой авторитет поселился, а сказать то про него гадкого ничего нельзя. Обидно за себя и перед соседями стыдно. Но даром, что ли, в их краях как сорняки графские шаловливые сынки росли, не, не зря.

Была у нас у ребятишек забава, на слабо брали без учета там племени, рода, достояния и имени. Верхний уровень, потолок, шпиль церкви или крыша замка – залезть к старику Кромахи в сад да золотистых груш порвать. Сначала прокатывало. Старик зубами скрежетал, а поделаться ничего не мог. Без лишних разговоров двух злющих цепных псов завел – высокогорных мастиффов, мордастых, злющих и вечно голодных. Слюна из пасти лужи только так делала. Пришло время собирать клубнику, собаки брюки на ребятишках изорвали. Как говорится, шрамы украшают мужчин. И так повелось, что после того как Кромахи обзавелся клыкастыми, никто не лазал к старику. Спустя какое-то время Дика, среднего брата, взяли на слабо по самой высшей мере. Ну, вестимо, из-за девчонки глупой да чернявой. Он на попятную не пошел и меня прихватил. Полезли, значит. Темно, страшно, зубы клацают, отбивают чечетку. Мы все бледные, пот с нас градом. До дерева добежали, только осалили его, слышим рык, я петляю зайцем меж кустами и грядками, псы за мной, Дик рвет грушу, она такая сочная, что сразу сок меж пальцев пустила. И бежать! Ух, как мы бежали, пятки сверкали перед смыкающимися челюстями с зубами острыми. Когда уж на забор залезли, старик нас кнутом вдогонку огрел. Досталось, конечно, но за дело, признаю. Да и грушу мы все-таки стащили, пусть и одну на двоих. Кнутом нас угостили перед всем честным народом, перед девчонками, перед глупой и чернявой, в кулак прыснувшей. У Дика кровь зыграла, он, брызгая слюной, говорил: « Я это так не оставлю! Меня, графского сына, кнутом стегать, будто я раб весельный? Ну, нет, врешь, не уйдешь!»

С этого-то все пошло и поехало, поскакало и убежало, как каша вон из печи. Дик стал одержим стариком. Все за честь свою поруганную пытался отомстить. Через отца по протекции, понятно, действовать было не вариант. Принялся Дик за стариком следить, выслеживать экс-колдуна как дичь, толком не ел, не пил, все с дерева на дерева как птица перелетная перепархивал и углядел кой-чего интересное.

Старик в одно и то же время, украдкой, оборачиваясь да озираясь, по сумеркам ходил к одному и тому же месту. Примечательно, что место это было не у него в саду, не около его дома, стоящего на окраине деревни, а рядом со старой разрушенной водяной мельницы.

Место обычное, под деревом, ничем не выдающееся. Сядет Кромахи, посидит там и домой двигает. Однажды ловит Дик меня за руку и говорит: Знаю, мол, как нам Кромахи наказать, у него под деревом кубышка, украдем деньги у старого колдуна – вот будет потеха, чтобы руку не подымал больше на графских сыновей.

Той же ночью, прихватив пятигранные фонари, закинув лопаты на плечи, мы поспешили к мельнице, что на речке пересохшей стояла. Зловеще ухал филин, пару раз мне показалось, что моей щеки коснулась летучая мышь бархатистым крылом. Вечерняя роса холодила ноги. Дик бесстрашно неся вперед, и все было ему не почем. Тогда я думал, что Деклан, старший брат не пошел с нами из-за миленькой дочки баронета, с которой у него были шуры-муры, а на самом деле тот просто-напросто ни сном ни духом. Дик, зная, что Деклан запретит тайную экспедицию, вовремя промолчал.

Пока Дик вприпрыжку скакал по лугу навстречу поднимающейся луне, я сгибался под тяжестью лопат. Брат пальцем тыкнул в темноту, и стали мы рыть. Рыли мы рыли, утирали лоб от пота утирали, пока наши лопаты не стукнулись обо что-то неведомое и подземное.

Я сказал, что дерево, а Дик – железо. И тот и другой были правы. Мы с братом выкопали дубовый гроб обитый по краям железом. И вместо того чтобы нервничая и икая его закопать, Дик предложил его выкопать и вскрыть. Выкопали, вскрыли. В гробу лежал скелет человека и скелет собаки в ошейнике. Тут уж было не до шуток, я хотел бежать, громко крича и подывая, а Дик сказал, что так даже лучше и велел мне звать деревенского старейшину. Дик остался

с гробом, а я, не чуя ног, полетел в деревню. Ох, и шуму я поднял, всю деревню разбудил. Собаки лаяли, лошади ржали, коровы мычали, козы мекали, овцы блеяли, бабы голосили. Ну, вы поняли, все делали то, что от них ожидали. В суматохе вся ночь и прошла. Следующим днем был назначен суд, судилище.

Мы с братом – свидетели ценные, но бледные. Гордые герои дня, спасители деревни от злобных колдунов, убийцев тайных. Никогда не забуду как зыркнул на нас колдун. Ох и страх испытал я, чуть в штаны не наложил. Деклан, узнав о наших проделках, нам все вихры оборвал да синяки на боках напечатал. Деревенские сразу накинулись на колдуна, сами понимаете давненько они такой косточки, сенсации, то бишь, дожидались. Колдун! Убийца! Черный маг! Ворог! Волк в волчьей шкуре! Некромант! Самые лестные титулы его были. Дик сначала грудь выпячивал, потом на нет сошел, в стенку вжался, а я в уголок осел. В колдуна снаряды полетели – капуста, ботва, морковь, редька горькая. Избиение началось. Хуже людской молвы – народный гнев праведно-неправедный. Все выплескивались, расплескивались, кто во что горазд. Сложили дважды два, навдумывали черти чего, стали версии выдвигать, чей же труп, кто ентот погребенный на отшибе, на земле неосвященной? Местный лекарь, тот еще шарлатан, прочитал с пергамента результат предварительного осмотра. Труп мужеского полу, скелет несформировавшийся: молодой человек умер, не вкусив радостей из земного сада удовольствий, предположительно, скорее всего, смертью естественной. Возможно отравление ядом или от кровопотери, если рана была нанесена в мягкие ткани. Скелет не тронут. Обсуждали, мусолили, а колдун сидел, мрачнел, но держался. Тут откуда-то не возьмись, появляется слуга колдуна этого да как набросился он на толпу, такой монолог прочитал прочувствованный, что все прослезилась, платочки друг у дружки попеременно одалживали.

Как вы смеете, говорит, горе родительское беречь, хамло вы деревенское, хомуты бесчувственные, каменные бошки, твари мерзкие и постылые, не будет вам теперь покоя, изверги! Родителя обидеть, выкопав единственного усопшего во цвете лет сына, да еще в смерти егойной обвинять.

Документы достал, зачитал, росписи ответственных лиц в морды сунул. Это решило дело.

Все конечно ахнули, на нас с кулаками повернулись. Глаза горят гневом, стали подбирать овощи и в нас, графских детей, целить. Деклан, уж молодым мужчиной считался, авторитет имел, сумел остановить чернь. Повел нас перед стариком извиняться силой, Дик упирался, а я что ягненок, куда поведут. Испугался – ужас, да еще ночь сказывалась, и по сей день в поту иногда просыпаюсь, закусывая наволочкой.

Привел нас, поставил перед грозные очи колдуна. Толпа на нас смотрит, изучает, если что не так, кинется, кабачками забьет. А колдун сидит на стуле неподвижный, брови свел, тяжело дышит, пол глазами буравит, сейчас дырку прожжет. У ног в открытом гробу скелет сына и той самой собаки, что в ошейнике.

Деклан принес ему вежливые извинения, называл нас всеми плохими словами, какие только знал. А колдун, словно его не слышал, когда брат говорить закончил, голову поднял и говорит:

– Проклинаю, проклинаю и проклинаю. Тебя, старший нарекаю властолюбцем. Тебя, средний, разбойником. А тебя постреленок, шулером. Вот вам мое слово. Пусть вас пожрет гиена огненная. Таково мое слово последнее.

Тут нас народ пихать стал, вон выгонять, на улицу проветриться. А в глазах у старика такая бездна плещется, такие волны вздымают, сейчас затопит. Нас оттеснили друг от друга.

Мы неловко улыбаемся, толкаем друг друга локотками, спрашиваем – чего и как. Выходим на солнце. Солнце печет, в теле усталость, глаза слепнут. Добрались до замка и спать повалились, мочи нет. Молва разлетелась быстро. Дескать, графских детей прокляли. Краски сгущают, прошлое ворошат без усталости, языками чешут без остановки. Отец без пяти минут наследник престола, обвинение в смерти дяди, морганатический брак, вычёркивание из спис-

ков претендентов на престол, родимые пятна на трех мальчиках, исчезновение жены графа и вот теперь проклятие чернокнижника Кромахи.

Отец слег и сгорел в два счета. Затем Кромахи с лица земли исчез, оставив свой тленный прах, некромант его возьми, только душа его прямёхонько к дьяволу отправилась. Тут все и покатилося комом, набирая обороты, как волчок закрутились наши жизни беспутные.

Сначала Деклан порвал со своей нежной баронеткой и женился на богатой, уродливой дурынде из столиц с громким именем, после Дик убил в таверне банкира, в бега. Я – один остался, попал в дурную компанию, не обессудьте, характер восковой, нестойкий, податливый, стал поигрывать, чтобы отвлечься, да и все деньги – фьють, проиграл. Ушел и я из Серебрянной, попрощался с родительским домом, обнял рыдающую старушку Вэллу и – в дорогу. Стал крутиться не без толку в трактирах, на свадьбах, в тюрьмах, в портах, иногда били и калечили, иногда угощали выпивкой и братались. Со временем стало мне везти, стал на большие барыши играть, привык к разгульной веселой жизни. Девочки, вино, перстни, пряности, шелка да антиквариат заморский. Легкая жизнь. Проигрывался, но пока ставка небольшая, мог отыгаться. А тут Рогуславу все спустил – ничего не осталось, покрыл имуществом, покрыл да не все, мировые судьи посадить велели на пять цельных годков, поскуды, чтоб им белого света не видать.

Глава 2.

Привкус свободы

Долговая яма – черный колодец с камерами. Камеры – карманы в штанах дьявола. Услышав утренние шаги Рудена, я подумал, что меня накрывает тьма, утопну я в конец в этом колодце полном дерьма. Но вместо того, чтобы привычно запустить тарелку по полу через отверстие вниз, Руден вонзил ключ и провернул его в ржавой ране запора. Дверца визгливо заскрипела.

– Вот, что лис, танцуй и виляй хвостом, у меня для тебя хорошие новости.

– Нежто отпускают?

– Твой владетель перестал платить за тебя. Женился, а бабы ровно ко всему окромя себя охоту отбивают, свет собой застют.

– Счастья ему в супружеской жизни.

Я вскочил так быстро, как будто не валялся здесь тухлой тряпкой долгих и мучительных две недели.

– Давай, двигай. Вот что еще, если тебе негде остановиться, поживи пока у меня, Ляля комнатку тебе какую-никакую отведет, в беде не оставим. Не должно так у людей, жизнь вся кувырком, понимаешь? Эту карусель кто-то должен переломить, в другую сторону пустить обязан, ну вот я, например, помогу тебе в трудную минуту, и мне кто-нибудь поможет. Понимаю, порвать с прошлым трудно, но ты попробуй, сразу не выйдет, не рвись, шею не ломай, но подумай, мозгами поработай. О родителях вспомни, не срами честное имя предков. Я сам отец, дочь гулящая, но добрая, как подумаю, что в беду попадет, а никто не поможет, волосы дыбом встают. Словом, живи, сколько потребуется.

– Рудэнице, спасибо тебе, друг. Выручил, так выручил. Вот уж думаешь, в капкан навеки угодил, ан нет, найдется человек, который разожмет железную пасть.

Руден прослезился, утерся грязным рукавом и направил меня на постоянный двор. Пока я слушал его и кивал невпопад, он железной палкой отодвинул круглую решетку, она с лязгом отошла. Узкая черная лестница уперлась в небо. У меня отчего-то подкосились ноги, ослабел я. Ах, сладкая сдоба свободы. Меня накрыло посреди лестницы, заштормило, я впился руками в перекладину, отдышался и, дыша через раз, кое-как, помаленьку-потихоньку, стучаясь коленками, выполз на белый свет. Как я был счастлив! Прожженный шулер, проклятый лис, я забыл обо всем на свете, думал только о счастье, о голубом небе, о белых облачках, о сельской жизни, об пушистых овечках, коровках с колокольчиками, раннем покосе, колодез-

ной водице, о пирогах с картошкой и грибами, о белых платочках девушек, о крепкой самогонке. Ну и развезло же меня, как я расчувствовался, слов нет.

Пока я бессмысленно пялился в небо и вдыхал воздух полной грудью, в меня влетел огромный бородач в татуировках.

– Бродяга, – прорычал он, и толкнул меня с разворота плечом размером с бычью ногу. Я отлетел. Ругаться я не стал, а наоборот испытал благодарность. Тычок вернул меня с небес на землю, и я обрел присутствие духа. Ух, не зевай, парень! Зазеваешься, муха влетит, а, может, еще что похуже, дерьмо оно тоже, знаете ли, тоже летает.

Картины сельской жизни таяли прямо на глазах, я вспомнил об опасностях мира и об опасностях, грозящих персонально мне. Вот попадусь на глаза Рогуславу, случайно он глазом по мне скользнет, и небо снова будет в клеточку. Моя неосторожность и легкомыслие, они вроде незнания законов, не спасают от последствий. Затравленно оглядевшись, я нырнул в темный переулочек и оказался в тесном дворике. В углу возле маленькой дверки я углядел бочку с дождевой водой. С корнем оборвал кружевные манжеты рубашки, ибо они стали черные, загнул рукава камзола, как смог почистил брюки и замшевые сапоги. Не помогло, но я успокоился. Провел мокрой рукой по волосам, потер щетинистое лицо и поспешил на постоянный двор, чтобы немного очухаться и зализать раны. Деньги, десять золотых, скромно и весьма плотно хранились в каблуках моих сапог, но кто дары судьбы отвергает, разве не олухи царя небесного?

Постоялый двор «Маркиз на сеновале» был трехэтажным деревянным домом, этажи пристраивались по мере расширения бизнеса из разных стройматериалов. Предупреждающе звякнув колокольчиком, я нырнул в дом.

У стойки стояла Ляля, я сразу догадался, что это она. Пухлая, пышнотелая блондинка с волоокиными глазами, в высшей степени задумчивости. Одежда утягивала ее так, что практически не оставляла пространства для воображения. Обнаженные округлые руки, глубокое декольте, золотые кудри. Ее белые зубки впелись в обсыпанный пудрой пирожок. Брюнеткам нельзя полнеть, русым – куда не шло, но блондинкам, о, блондинкам все можно.

Я уставился на нее, ибо в яме уж давно, а женщин, тем паче готовых к употреблению, не чаял увидеть вовек.

Она с невыразимой прелестью прожевала кусочек, облизала белый порошок с губ, отрянула ручки и обратила свое благосклонное внимание на меня.

– Вам чего? – она кокетливо хлопнула ресничками и словно невзначай поправила платье на груди.

Я выдавил что-то нечленораздельное, а потом, путаясь в показаниях, попытался донести до нее, кто я и по чьей вине оказался перед ее светлым ликом. Она чему-то засмеялась, оживилась, на лице заиграл румянец.

– Так это вы спаситель купеческих барышень? Мне папка про вас все рассказал, – с этими словами она почему-то погрозила мне пальцем.

– Идемте, я вас устрою, – она схватила ключ и перекинула назад густые волнистые волосы. Кудри весело прыгали по спине, пока её вихляющие бедра указывали мне дорогу.

Она привела меня в узкую коморку, где с одной стороны лежали веники, горшки, старые вещи, пустые бутылки (какая жалость), ну и прочий хозяйственный и бесхозяйственно-криворукый-разбитый-непочиненный инвентарь, а с другой брошен матрац.

– Здесь не бог весть как удобно, но все же не скотный двор, навозом тем же не пахнет, а если холодно, то лучше прижиматься к человеку, а не к скоту, – она повела плечиком, обернулась на меня, застывшего в дверном проеме. С такого расстояния проще было ею любоваться. Проходя мимо, она на долю секунды прижалась ко мне пышной грудью и велела, чтобы я, когда закончу, спускался отведать ее стряпню.

На меня полыхнуло жаром. Сердце застучало, как молоток. Разве можно так крови играть? Эдак не далеко до инфаркту.

Первым делом я стащил с себя грязную одежду, провел ладонью по подбородку. Щетина – как у хряка. Хорошо, еще бороду не успел отпустить, пробыл в заключение не так долго, чтобы окончательно махнуть на себя рукой. Покопавшись в старом барахле моего благодетеля, я отыскал сносный допотопный костюм и разношенные до моего размера сапоги. Пальцем тыкать, по крайней мере, не будет, ну а ежели хихикнут в рукав, это уж вопрос воспитания и чувства юмора или же их отсутствия. Справившись с брюками, я спустился вниз и прошлепал на кухню, найденную мной по запаху.

– Я уж думала, вы померли.

– Я тоже так думал, – пробормотал я, стараясь не глядеть в ее декольте, пока она ставила передо мной сковороду жареной картошки с мясом. Красивая женщина и вкусная еда – все, что мужчине надо, чтобы почувствовать себя человеком. – Я бы хотел привести в порядок одежду, банька-то у вас есть?

– А то как же, банька – средство первой необходимости для путников. Давайте так, сами в баньку, а я вам одежду почищу?

– Ляля, милая, о своей одежде я сам забочусь. Я мистер Сам Ломаю, Сам Делаю.

– У нас с гостями разговор короткий, вы получаете обслуживание, мы за ради вас работаем.

– Да разве же я гость? Вы меня удивляете, Лялочка.

Мы припирались недолго. Она садилась все ближе, мне становилось все жарче и жарче, все больше хотелось впитаться губами, а то и зубами ей в ушко али белую шейку и без малейшего сопротивления капитулировать.

Положение спас Руден. Первый раз готов был расцеловать, а не гнать взашей неожиданно появившегося родителя, разбившего тет-а-тет с красивой барышней.

– Задурила уже голову, Лялочка? Крутить хвостом научилась, а полезное как горох об стену, и откуда такие таланты? Всё мать твоя, покойница, прохиндейка, только я за угол, а она уж задницей крутит на коленях у другого мужика.

Я широким жестом поделился с хозяином сковородкой. Руден, не брезгуя, приступил к работе, однако оценив жалкий паек, велел зажарить курицу. Пока Ляля командовала у плиты, папаша повернулся ко мне и поймал на месте преступления. Я устоял на лялину впечатляющую корму и с блаженной улыбкой тыкал вилкой мимо рта. Он улыбнулся и обезоруживающе спросил:

– Ну как дочка, берешь?

Я поперхнулся, он принялся стучать по моей спине, подскочившая Ляля принялась натирать спинку. Я едва вырвался из их крепких, заботливых объятий и красный, как рак, сумел кое-как выговорить (язык мне явно при этом мешался):

– В баню, я в баню!

Спускаясь или вернее скатываясь во внутренний дворик, по дороге, которую мне указала глухая прислуга, я осознал, что ночью мне не избежать штурма моей маленькой обители. И не то чтобы я был настолько против пухленькой блондинки с томными газами, просто в моей голове закон гостеприимства имел четкие параметры – бери, что дают, но не забывай, что ты не дома. Варварский закон диких племен, где гостю предлагали и ребенка, и жену, и бабушку, позволяющий брать и пользоваться всем, что хорошо и плохо лежит, на генетическом уровне отвергался мною, хотя от этих мыслей моя фантазия рождала непристойные картинки, главной героиней которых была, конечно, Ляля.

Баня была еще теплой, вероятно, не остывшей со вчерашнего дня. Пару раз в бочку нырнул, вынырнул, разумеется, столько же раз, застирал свои приличные шмотки – камзол и рубашкой три четверти рукава с интересными вшивками, отведенными для особых карточ-

ных колод. Стирать – дело не мужское, но настоящий мужик все должен уметь. Словом, еле-еле душа в теле, постирался. Лялю долго ждать не пришлось, она прискакала проверить, как я там справляюсь. Чтоб ее как-то занять, я попросил помочь развесить мое скромное бельишко. Мы позубоскалили, побрызгались водичкой, она пожаловалась мне на непроходимую тупость местных ухажеров, рассказала о своей детской мечте – о прекрасном принце (тут она случайно коснулась моей руки), о любви как единение двух сердец, чтоб как в сказках – жить друг без друга не могут, пищу принимать тоже, как сопутствующие клинические признаки – отчаянное сердцебиение и потливость. В довершении она сказала, что сердцебиение должно быть такое, какое у нее теперь наблюдается, и предложила прощупать пульсацию ее девичьего суматошного сердечка.

– А где ваша комната? —слетело у меня с языка во время пальпации грудной клетки.

– А вам какой интерес? – игриво откликнулась она, стукнув по пальцам.

– Да виды вот интересуют, а то у меня окошечка нет.

– А у меня есть, приходите, всё вам покажу, – расхохоталась она.

Мы бегали, прыгали, скакали, резвились как детишки, оставленные без присмотра родителей, чуть все мои вещи героическим образом постиранные не пороняли в грязь, где хрюкали поросята и шишились куры. Я пару раз прижался щетиной к ее пухлым губкам, поймав, тесно прислонился к груди, пошарил руками, где не следовало бы приличному джентльмену. Она позабыла, что надо покраснеть, укоризненно посмотреть или стукнуть меня по губам и рукам, в общем, мы довольно невинно резвились до ужина. Я не мог отвести от нее восторженных глаз и даже за ручку ее повел к бабушке, но во время опомнился и расцепил руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.